

политического. Заблокированной в социальной сети политик уже не имеет возможности транслировать логику своего политического мышления на этой платформе, он уже незащищен против принятого решения, если оно даже косвенно подпадает под логику внутренних правил платформы. А вот корпорация за неудобную позицию политика может осуществить то самое политическое действие по «выключению» актора из коммуникативной системы, приводящее к его информационной смерти. Цифровое неравенство сегодня предполагает не только доступ к технологиям, но и способность их политизации. Это ставит перед политиками важную задачу: артикулировать исключительное право на определение политического и привилегию быть вне неполитических действий в профессиональной сфере.

Литература:

1. Анкерсмит, Ф. Политическая репрезентация / Ф. Анкерсмит. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012 – 288 с.
2. Дворкин, Р. Империя права / Р. Дворкин. – М. : Издательство Института Гайдара, 2020 – 592 с.
3. Кин, Дж. Демократия и декадентс медиа / Дж. Кин. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 312 с.
4. Фергюсон, Н. Площадь и башня. Сети и власть от масонов до Facebook / Н. Фергюсон. – М. : Издательство АСТ: CORPUS, 2020. – 736 с.
5. Фрай, Х. Hello World. Как быть человеком в эпоху машин / Х. Фрай. – М. : Издательство АСТ: CORPUS, 2021. – 320 с.
6. Шабров, О. Ф. Понятие политического: возможна ли политическая наука? / О. Ф. Шабров // Власть. – 2016. – № 9. – С. 51–61.
7. Permanent suspension of @realDonaldTrump [Electronic source] / Twitter. – Mode of access: https://blog.twitter.com/en_us/topics/company/2020/suspension.html. – Date of access: 14.02.2021

<http://edoc.bseu.by/>

Балахонцева А.Н.,
студент Университета «МИР» (Самара, Россия).
Научный руководитель – к.и.н. Симашенков П.Д.

ДИДЖИТАЛИЗАЦИЯ И ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО СЁРФИНГА

Актуальность темы обусловлена как появлением специфического явления, так и широтой его распространения. Синдром социального сёрфинга молодёжи до сих пор не обзавёлся критериями диагностики. Объектом исследования является социальный серфинг как социопсихологический феномен; предметом – концептуальные наработки, анализируемые в компаративном ключе. Важно отметить: явление «социализации без обязательств» впервые было описано в конце прошлого века, отдельные симптомы выявляли ещё представители

чикагской и бирмингемской школ – в контексте изучения миграции и девиации [8, с. 23]. Последнее обыкновенно трактуется западными исследователями как составная часть контр-и-субкультур, элемент протеста против буржуазной системы ценностей. Пожалуй, столь же однобоко это понималось и в постперестроечный период, когда отечественные ученые стали перенимать подходы в изучении социализации, единым махом отрекаясь от якобы «идеологизированного» образа молодёжи и попутно подвергая критике так называемый «советский образ жизни». «Бирмингемская парадигма» рассматривала в молодёжи не только «социально-производительные ресурсы общества», но и его реконструкторов, во многом романтизируя социальные шарахания маргиналов и неформалов. В то же время от сторонников упомянутого подхода ускользнул момент потребительской психологии «Generation Next», коего представители ориентированы на получение (без труда, естественно) готового продукта, желательно – столь же беспрепятственно-юзабельного: словом, социальный паразитизм *per se*. Таким образом, акцент смещается с идей на вкусовые предпочтения, что, однако не исключает вкусовщины также в истолковании результатов научных изысканий [7, с. 111]. Воспринимая права человека в вульгарно-лобовой трактовке, можно сфабриковать из вкусов целый «lifestyle», включающий в себя не идейные и даже не психологические установки, а вернее – набор штампов, ассортимент «супермаркета стилей». Немудрено, что данные условия исключительно благоприятны для «стилистов» молодёжных движений: от фанатов кей-попа до политических радикалов.

Отметим: радикальной многим представляется и сама постановка вопроса, где проблемы «Поколения Z» предлагают трактовать как ультра-эгоизм [4, с. 330]. Недостаток упомянутого подхода – прежде всего в смещении акцента с собственно социального на примитивно-индивидуальное; как следствие – социум едва ли достоин именоваться обществом ввиду ущербности общения из-за утраты общего. Умозрительное разделение на условные группы и субкультуры позволяет сформулировать столь же псевдо-инновационную парадигму [6, с. 9] диагностики сёрфинга констатацией нездорового переизбытка плюрализма в оцифрованно-информационном социуме. Вероятно, в какой-то мере это обусловлено возрастной спецификой, сочетанием мотиваций «быть как все» и в то же время не утратить «самости». Ещё один любопытный взгляд на сёрфинг – гипотеза, в соответствии с которой молодёжи свойственно «пробовать на прочность этот мир каждый миг». Иными словами, превышать пределы моральных и правовых установок – эдакая трансгрессия [3, с. 271], даже «управляемый хаос», расширение границ ради их расширения. Предпосылки разнообразны: от факультативности членства в какой-либо группе – до психологической необязательности нынешней молодёжи, возвращённой в амбивалентной атмосфере «никакой идеологии», которая, как известно, «не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (Конституция РФ, ст.13). Паттерны альтернативного мышления побуждают

молодых «испытать и перепробовать всё», ни на чём при этом не сосредоточиваясь. Слоган «кручусь, чтоб избежать падения» – наглядный пример социальной патологии, где для поддержания равновесия главное – не прекращать активности (эффект велосипедиста). Данная поструральная неустойчивость – своеобразный «социальный паркинсонизм»: вослед собственному телу, когда движение одинаково и следствие утраты равновесия, и его причина.

Очевидно, «клиническая картина» сёрфинга осложнена вдобавок и эксцессами около-политического свойства, когда профессиональный рост отождествляют с социальными лифтами. Здесь небезынтересен т.н. «рискологический» подход, характеризующий сёрфинг вынужденным актом в обстоятельствах экономической и социально-политической неочевидности, ведь тенденции и вызовы крайне изменчивы. Отсюда, вероятно, и «чиновничий» тренд (вопреки перманентно-декларируемому сокращению штатов): на госслужбе истари выгоднее прислуживаться, чем служить Отечеству. Абстрактность «матрицы компетенций» в сфере государственного и муниципального управления способствует как поверхностному их освоению, так и скольжению на грани морали – только бы содеянное совпало с буквой циркуляра. Стало быть, социальные сёрферы ещё и формалисты, а вовсе не веберовская рациональная бюрократия; скорее уж мобильные приложения властных сервисов, бюрократические «органчики» в духе произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Полагаем, едва ли можно согласиться с выводами О.В. Кружковой и её соавторов [2, с. 48], утверждающих, будто социальный сёрфинг являет собой серию последовательных (!) переходов между «посттрадиционными общностями»: если так, результат был пусть частично, но всё же предсказуемым, и сёрфинг воспринимался странноватой траекторией карьерного роста. Весьма дискуссионным представляется нам и методологический подход, сфокусированный то ли на общении, то ли на некой «топологии событий», внутри которых акторы играют роли коворкеров. В итоге сёрферов предлагают исследовать в ключе междисциплинарном: на грани социологии, психологии и философии. Естественно, схожий тезис легко выдвинуть применительно к любому социальному феномену.

Итак, важнейшими предпосылками сёрфинга допустимо называть дискретность сообществ, ненасильственность ассоциирования с ними, интерактивность, где «сплошная» широта априори отрицает любую глубину и вообще сопереживание. Значит, сёрфинг есть вариант коммуникаций, основанный на презрении к обязанностям: связь без связей, подвижность без подвижников. Анализируемое явление представляется нам типичным проявлением пресловутого закона необходимости. Иными словами, той самой несвободы, коей молодёжь как бы противится. Важно подчеркнуть: необходимости экономически детерминированной. Такого рода условия призваны подпитывать иллюзию суверенитета личности (по факту – условно-

индивидуальной автономии); с целью поддержания информационного шума вокруг броуновского движения трендов (т.е. комментирования их в виртуальных communities). Спрос на динамику вызывает к жизни типовые одноразовые проекты (в том числе и т.н. «социально значимые» – волонтерство, спорадическая благотворительность и проч.). С целью формирования предложения достаточно мотивировать аудиторию, спровоцировать спрос, искусственно раздувая значимость очередной псевдо-новинки. Для циничных стратегий такого рода нет лучшей аудитории, чем молодёжь: по причине возрастной жажды перемен и эмоциональной лабильности. По этому поводу точно и остроумно высказался великий русский историк В.О. Ключевский: «естественно-либеральное расположение молодёжи происходит оттого что дети любят начинать обычно со сладкого блюда».

Таким образом, социальные сёрферы – расходный материал, массовка для флешмоба или челленджа. Опять же, не по собственному желанию (откуда инициатива там, где вместо собственного мнения – хэштеги?) и не по своим правилам. Сёрфер как таковой есть личина без личности, содержимое без содержания. Следовательно, суть вопроса, как нам представляется, не в схоластике трансгрессий и посткоммуникаций (сколько ещё симулякров будет выдуманно?), а в проблеме новых «лишних людей» – перегруженных информацией, но в силу шаблонности альтернативного мышления («единицаноль») не способных её осмысливать [5, с. 76]. Полагаем, что цифровизация и социальный сёрфинг, помимо психологической, остро нуждаются в идеологической оценке. Как вариант – в ракурсе патриотического воспитания молодого поколения, и здесь исключительно ценны наработки наших белорусских коллег [1, с. 94].

Литература:

1. Алейникова, С. М. Русский мир: белорусский взгляд / С. М. Алейникова. – Минск : РИВШ, 2017. –248с.
2. Воробьева, И. В. Социальный серфинг: специфика ценностных ориентаций молодёжи в современном обществе / И. В. Воробьева, О. В. Кружкова, И. А. Симонова // Педагогическое образование в России. –2015. –№ 5. –С. 45–50.
3. Ильяшенко, А. Н. Молодёжь в транзитивном российском обществе 1990–2000-х годов / А. Н. Ильяшенко // Общество и право. –2012. –№ 1. –С. 269–273
4. Семянников, С. Н. Исследование особенностей духовно-нравственного состояния подростков при разных условиях воспитания: миссионерские выводы из пилотажного исследования / С. Н. Семянников // Социальное служение Русской православной церкви: проблемы, практики, перспективы: материалы Международ. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 4–6 июня 2015 г. – Санкт-Петербург, 2015. –С. 329–334.

5. Симашенков, П. Д. Компетентностный подход в кадровой политике: покушение с негодными средствами / П. Д. Симашенков // Кадровик. –2018. – № 11. –С.72–79.
6. Хузеева, Г. Р. Социальная идентичность подростков и юношей в условиях транзитивности / Г. Р. Хузеева // Психологические исследования. – 2016. –Т. 9, № 46. –С. 9.
7. Hitzler, R. Leben in Szenen: Formen juveniler Vergemeinschaftung heute / R. Hitzler. –Wiesbaden : VS Verlag fur Sozialwissenschaften, 2010. –312 s.
8. Muggleton, D. Inside Subculture: The Postmodern Meaning of Style / D. Muggleton. – Oxford ; New York, 2000. – 198 p.

Гороховик К.Е.,
студентка БГЭУ (Минск, Беларусь)
Научный руководитель – к.и.н. О.Г. Казак

ИНТЕРНЕТ-ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО РАЙОННЫХ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ОЦЕНКА И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Статья подготовлена в рамках выполнения задания студенческой научно-исследовательской лаборатории «Res Publica» (кафедра политологии БГЭУ).

Современный мир невозможно представить без коммуникаций. Технический прогресс и развитие IT-сферы произвели революцию коммуникаций и перенесли их из мира реального в мире виртуальный. Решение вопросов дистанционно, быстрый доступ к информации стали обыденными явлениями. В такой ситуации институты государственной власти также начинают переходить в виртуальный мир. Их присутствие в Интернете позволяет быстрее реагировать и лучше отслеживать ситуацию в своей сфере. В частности, наше исследование касается интернет-активности органов местного управления – райисполкомов и горисполкомов. Этим органам базового уровня управления, имеющим в качестве одной из задач работу с населением, требуется обладать высокой мобильностью и широким охватом аудитории.

Каждый орган власти обязан информировать о своей деятельности население. Согласно данным Института социологии Национальной академии наук Беларуси за 2019 г., 69,2 % населения пользуется Интернетом ежедневно [1], поэтому органам власти требуется присутствовать в интернет-среде как минимум для передачи информации гражданам. В ходе информационной деятельности требуется выполнение как минимум трех задач:

1. Обеспечение доступа к информации о своей деятельности;
2. Публичное (массовое) информирование населения;
3. Информационное взаимодействие с гражданами и организациями. [4, с. 120].